

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

К. Э. Кирова

История революционных выступлений итальянского народа в 1917 г. почти не изучена. В советской историографии нет исследования, посвящённого этим событиям. В итальянской рабочей печати имеются упоминания о революционных выступлениях 1917 г.¹, но и там нет работы, которая бы воссоздавала и анализировала их общую картину. Реакционные буржуазные историки фальсифицируют подлинную историю этих событий, выхолащивают политический смысл народных выступлений, изображая их как вспышки голодного бунта и бессознательные действия «толпы». На самом деле борьба народных масс Италии приобрела в 1917 г. широкий размах и имела огромное революционное значение. История антивоенных революционных выступлений в Италии летом 1917 г. поучительна. Эти выступления внесли свой вклад в сокровищницу революционного опыта итальянского пролетариата.

События, происходившие в Италии в годы первой мировой войны, обуславливались экономической и политической обстановкой, сложившейся в стране и во всём мире.

По уровню экономического развития Италия отставала от большинства европейских стран. К 1915 г. — времени вступления в мировую войну — в Италии более половины самостоятельного населения работало в сельском хозяйстве², 95% промышленных предприятий насчитывало меньше 25 рабочих каждое³. Крупная итальянская промышленность, возникшая в конце XIX в., в значительной части принадлежала иностранным капиталистам, работала на привозном топливе и сырье. Производство чугуна и стали было незначительным, страна не имела своего угля, нефти, хлопка, меди.

В первом десятилетии XX в. в северной части Италии развивались металлургия, машиностроение, росла автомобильная и химическая промышленность, появились крупные гидроэлектростанции. В стране увеличивалась концентрация капиталов, росло число крупных монополий, акционерных обществ. В Италии было 2 300 тыс. промышленных рабочих⁴, но только на севере страны, в треугольнике Турин — Генуя — Милан, сложились значительные кадры индустриального пролетариата.

¹ Работа П. Тольятти «Gramsci». Милан. 1949; статьи Грамши в итальянской печати, а также сборник статей и документов «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», появившийся в русском переводе в 1953 г., и другие.

² E. Sereni. La questione agraria nella Rinascita nazionale italiana. Roma. 1946, p. 45. Есть русский перевод. Э. Серени. Аграрный вопрос в Италии. М. 1949.

³ G. Prato. Il Piemonte e gli effetti della guerra sulla sua vita economica e sociale. Bari. 1925, p. 69.

⁴ L. Einaudi. La Condotta economica e gli effetti sociali della guerra italiana. Bari. 1933, p. 6.

Погоня капиталистов за максимальными прибылями породила в годы войны спекулятивную горячку. В Италии возникло много военных заводов, увеличилась добыча металла на рудниках Эльбы, строились сталеплавильные печи. Рост военной промышленности сопровождался усилением концентрации капиталов, развитием монополий. Так, акционерное общество «Ансальдо», имевшее в 1915 г. 30 млн. лир капитала, в 1917 г. располагало 100 млн. лир, а в 1918 г. — 500 млн.⁵ Его предприятия охватывали весь производственный цикл обработки металла — от добычи железной руды до выпуска орудий и самолётов. Общество владело железными рудниками, военными заводами, имело свои паровозные компании, судостроительные верфи, электростанции и т. д. Действуя в неразрывной связи с крупнейшими банками, капиталистические монополии подчиняли себе правительство и государственный аппарат, командовали экономической и политической жизнью страны.

С началом военных действий ввоз угля и промышленного сырья из-за границы значительно осложнился. Из-за нехватки угля уже в первые годы войны сократилось движение пассажирских поездов, многие отрасли лёгкой промышленности перешли на неполную рабочую неделю. В 1917 г., когда Германия начала неограниченную подводную войну, в Италию было ввезено вдвое меньше угля, чем ввозилось — в среднем за год — перед войной⁶. В результате даже военные заводы начали испытывать острые перебои в снабжении топливом. Многие же предприятия лёгкой промышленности были вовсе его лишены. Одновременно сократилась и без того недостаточная сырьевая база итальянской промышленности. За годы войны на 25% уменьшилось производство коконов для шёлковой промышленности⁷, на 50% — производство шерсти⁸, добыча серы на рудниках Сицилии сократилась в полтора раза, резко упала добыча цинка и свинца⁹. Хлопчатобумажные фабрики страдали от нехватки импортного сырья. Для бумажной промышленности не хватало целлюлозы, для производства мыла — соды. Падал из-за отсутствия рабочих улов рыбы. Всё новые отрасли лёгкой промышленности свёртывали своё производство. Одно за другим закрывались стекольные, бумажные, парфюмерные, кондитерские и другие предприятия¹⁰. Даже производственная мощность итальянской тяжёлой индустрии оставалась неиспользованной. Так, выплавка стали в стране при производственной мощности в 2 млн. т.¹¹ составила в 1917 г. 1 300 тыс., в 1918 г. — 1 200 тыс. т.¹²

Сельское хозяйство Италии ощущало острую нехватку рабочих рук. К 1917 г. правительство мобилизовало в ряды армии 5,6 млн. человек, в том числе около половины всех взрослых крестьян. Нищие крестьянские хозяйства не выдерживали увеличившейся тяжести налогов, поборов, реквизиций. Многие крестьяне бросали землю и уходили в город на военные заводы. В некоторых районах бегство из деревни приняло массовые размеры. В результате посевные площади под зерновыми культурами сократились с 1915 по 1917 г. на 787 тыс. га, то есть на 15%¹³. Значительно уменьшились урожаи. В 1917 г. в Италии было собрано зерна на 20—25% меньше, чем в средние по урожайности предвоенные годы. Между тем Италия и тогда ввозила не менее 20% потребляемого её населением зерна. Во время войны возможность ввоза продоволь-

⁵ U. Bava. Squatro maggiori istituti italiani di credito. Genova. 1926, p. 142—143. Следует, впрочем, учесть обесценение лиры в эти годы.

⁶ R. Vachi. L'Italia economica nel anno 1917. Citta di Castello. 1918, p. 22.

⁷ R. Morandi. Storia della grande industria italiane, p. 235.

⁸ R. Vachi. Указ. соч., стр. 118.

⁹ L. Einaudi. Указ. соч., стр. 65.

¹⁰ См. сообщения об этом в «Avanti» от 15, 16, 18, 20, 26 марта 1917 г. и др.

¹¹ R. Morandi. Указ. соч., стр. 258.

¹² L. Einaudi. Указ. ссч., стр. 65.

¹³ R. Vachi. Указ. соч., стр. 105.

ствия в Италию уменьшилась, а между тем потребность в импортных продуктах питания в связи с сокращением производства и необходимостью снабжения армии резко возросла.

Война ухудшила финансовое положение Италии. Одни только военные её расходы составили в 1917 г. 20 млрд. лир¹⁴, государственный долг вырос за годы войны (главным образом в результате займов у Англии и США) с 15 до 60 млрд. лир¹⁵. Перекладывая бремя военных расходов на плечи трудящихся, правительство удвоило за годы войны косвенные налоги и утроило — с 1914 по 1917 г. — массу бумажных денег, находившихся в обращении¹⁶. Инфляция приводила к колоссальному росту цен, разоряла трудящихся. В то же время она способствовала гигантскому обогащению крупных банков и монополий.

Итальянский капитализм ещё задолго до войны подвергался ожесточённым атакам народных масс. Даже в сравнительно «мирный» период капиталистического развития, в последнюю треть XIX в., Италию неоднократно потрясали бурные выступления сельской и городской бедноты и молодого итальянского рабочего класса. С начала XX в. наряду со стачками батраков, голодными волнениями, забастовками каменотёсов, плотников, портных в Италии всё чаще стали происходить организованные выступления железнодорожников, машиностроителей, металлургов¹⁷. В самый канун империалистической войны, в июне 1914 г., страну потрясла знаменитая «красная неделя». В эти дни проходила всеобщая стачка железнодорожников. Рабочие и крестьяне громили хлебные лавки, штурмовали помещения префектур и казармы карабинеров. В некоторых провинциях (Романье, Марках) народные волнения переросли в подлинные восстания. В отдельных городах-коммунах народ даже объявлял правительство низложенным¹⁸.

На росте революционных настроений итальянского пролетариата сказывалось то обстоятельство, что в отличие от пролетариата Англии или Германии в итальянском рабочем классе прослойка рабочей аристократии была сравнительно незначительна; в связи с этим и база реформизма в рабочем движении была уже.

К началу войны у итальянского пролетариата была большая сеть рабочих организаций. Профсоюзные лиги объединялись во Всеобщую конфедерацию труда и Национальную федерацию сельскохозяйственных рабочих. В этих организациях насчитывалось до 500 тыс. промышленных рабочих и батраков. Итальянская социалистическая партия имела около 50 тыс. членов. На парламентских выборах 1913 г. она получила около миллиона голосов, 52 мандата. В результате муниципальных выборов социалисты завоевали господствующее положение почти в 400 муниципальных управлениях, в том числе таких крупных центров, как Милан и Болонья.

Революционное брожение рабочих масс оказывало огромное влияние на социалистическую партию. В ней шла острая борьба групп и течений, которая незадолго до войны привела к победе левого крыла. Но и «левые» лидеры, так называемые максималисты, возглавляемые Сerratи и Ладзари, были очень далеки от подлинного, революционного марксизма. Максимализм являлся по сути итальянской разновидностью центризма. Вследствие засорённости партии мелкобуржуазными элементами и идео-

¹⁴ L. Marchetti. The economic revival of Italy. Torino. 1918, p. 87. Перевод с итальянского.

¹⁵ P. Griffone. Il capitale finanziario in Italia. Roma. 1945, p. 37.

¹⁶ C. Supino. Storia della circolazione cartacea in Italia. Milano. 1929, p. 207.

¹⁷ См. E. Sereni. Указ соч., стр. 37—38.

¹⁸ См. A. Colombi. Pagine di storia del movimento operaio. Roma. 1951, p. 97.

логической её слабости партия не смогла встать на подлинно революционный путь, и реформистские лидеры, как Турати, Тревес и К⁰, продолжали играть в ней видную роль и после победы максималистов.

Антивоенные настроения итальянского пролетариата ярко проявились в первые же дни войны. Его передовой отряд — туринские металлисты — встретил вступление Италии в войну в мае 1915 г. всеобщей забастовкой протеста, перешедшей в баррикадные бои. Антивоенные забастовки и выступления произошли и в других местах Италии¹⁹.

Антивоенные настроения в итальянском рабочем классе были столь сильны, что лишь немногие итальянские оппортунисты, вроде Биссолати и его группы, ещё в 1912 г. исключённые из рядов социалистической партии, решились открыто отстаивать позиции социал-шовинизма. Итальянская социалистическая партия выступила с осуждением империалистической войны. Её печать подчёркивала, что война, обогащая империалистов, несёт неисчислимые страдания трудящимся. Выступления против войны встревожили правящие империалистические круги. За ведение антивоенной пропаганды многие рабочие-социалисты были заключены в тюрьму. Центральный орган партии газета «Avanti!» нередко выходила с большими белыми пятнами в результате цензурных изъятий.

Но, разоблачая империалистический характер войны, итальянская социалистическая партия не звала трудящихся на борьбу с войной. Руководители партии отказались выдвинуть единственно правильный, революционный лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Позиция, занятая социалистической партией, была центристской. Выдвинутая секретарём партии Ладзари типично центристская формула «не поддерживать войну, но и не бороться с нею» предоставляла широкую свободу действий правому, реформистскому, крылу партии, руководимому Турати, которое фактически поддерживало империалистическую войну. Правые захватили парламентские мандаты партии и руководство Всеобщей федерацией труда, заседали вместе с представителями военного командования и предпринимателей в мобилизационных комитетах, ведавших в годы войны «урегулированием» рабочих конфликтов, занимали муниципальные должности и, считая своей основной задачей сохранение «внутреннего мира» в Италии, всячески тормозили развитие массового антивоенного движения в стране. Формула Ладзари дезориентировала, сбивала с толку рядовых членов партии. «Мы были парализованы,— пишет Джерманетто,— «не поддерживать» — это было хорошо, «не бороться» — это было уже менее ясно»²⁰.

Социалистическая партия, руководимая центристами, шла по пути буржуазного пацифизма. Отказываясь бороться за пролетарскую революцию и подлинно демократический мир, она уповала на заключение империалистического мира буржуазными правительствами воюющих стран. Антивоенная фразеология центристского руководства была на руку правым, ибо она задерживала кристаллизацию подлинно левого крыла в социалистической партии.

Весной 1917 г. экономическая разруха и общая усталость от войны чрезвычайно сильно сказывались в Италии. Как и другие воюющие страны, Италия представляла собой большую тюрьму. В стране царил жестокая политическая реакция, были запрещены публичные собрания, введена жесточайшая цензура печати, шли массовые обыски и аресты.

Предприятия, имевшие военное значение, находились под контролем военного ведомства, а важнейшие из них полностью перешли в его рас-

¹⁹ См. «Avanti», 20—23 мая 1915 года.

²⁰ G. Germanetto. Memorie di un barbiere. Roma, 1949, p. 104. Книга вышла под названием «Воспоминания парикмахера» в нескольких изданиях в 30-х годах в СССР. Цитируемое издание является первым, пересмотренным автором итальянским её изданием.

поражение. Рабочие этих предприятий были объявлены милитаризованными, на них распространялась каторжная военная дисциплина. Условия их труда были исключительно тяжелы. Рабочий день, даже по закону, мог составлять 12 часов в сутки, на деле же он бывал значительно длиннее. На некоторых заводах Турина рабочие работали по 16 часов в сутки из месяца в месяц, не имея выходного дня. Забастовки были запрещены. Рабочих, в том числе женщин-работниц и подростков, за малейшую провинность сажали в военный карцер²¹. Над военнообязанными рабочими, как дамоклов меч, висела угроза отправки на фронт. Находившиеся на предприятиях представители военного командования широко применяли эту меру, чтобы совместно с хозяевами «очищать» предприятия от наиболее революционных элементов.

В районах, где не было военных заводов (главным образом в Центральной и Южной Италии), свёртывание предприятий лёгкой промышленности оставляло рабочих без средств к существованию. Весной 1917 г. даже буржуазная пресса вынуждена была признать наличие безработицы среди каменщиков, плотников, портных, рабочих цементной, полиграфической, деревообрабатывающей и ряда других отраслей промышленности²².

Страна испытывала острый недостаток продуктов, и во многих местностях Италии уже наступал настоящий голод. Не хватало не только хлеба, но и кукурузы, риса, мяса, жиров, сахара («сахар стал мифом», — писали газеты), даже овощей. Почти совсем не было топлива. Уголь, если его и удавалось достать у спекулянтов, нередко оказывался смешанным со щебнем и камнями и стоил в 12—15 раз дороже, чем до войны²³. Жёны рабочих каждое утро отправлялись в длительное путешествие по топливным складам в поисках щепок, на которых можно было бы сварить пищу²⁴.

Твёрдые цены, установленные правительством, оставались на бумаге. Рыночные цены на основные предметы продовольствия, даже по официальной статистике, поднялись за время войны в 3—4 раза. Спекуляция, в которой нередко участвовали и местные власти, принимала угрожающие размеры. Реальная заработная плата рабочих и служащих падала всё ниже.

В стране нарастало народное возмущение. У продовольственных магазинов и топливных складов, где с утра собирались толпы народа, происходили бурные сцены. На фабриках и в учреждениях развёртывалась борьба рабочих и мелких служащих за надбавку на дороговизну. Профсоюзным лидерам становилось всё труднее удерживать это движение в рамках «мирных переговоров» с хозяевами. Несмотря на запрет, росло число рабочих забастовок. По улицам городов и деревень — в Калабрии и Ломбардии, в Пьемонте и Сицилии — проходили бурные демонстрации женщин с возгласами «Верните наших мужей из окопов!». Явственно сказывались нараставшее в массах революционное брожение, их единое стремление к выходу из проклятой империалистической войны.

Понятно, что в такой обстановке весть о свержении русского царизма, о победе февральской революции в России глубоко взволновала и народные массы Италии.

Боясь революционизирующего воздействия русских событий на итальянский народ, правительство Италии пыталось затушевать подлинный смысл русской революции. В день получения первых известий о революционных событиях в Петрограде министр иностранных дел Соннино заявил в палате депутатов, что события в России будто бы «имеют целью

²¹ «Lo stato operaio». Paris. 1927 г., № 6, стр. 653.

²² «L'economista d'Italia», 7 апреля 1917 года.

²³ Р. Григорьев. Отражения русской революции на Западе. По личным наблюдениям. Петроград. 1917, стр. 16.

²⁴ См. «Avanti!», 10, 17 марта 1917 года и др.

более энергичное ведение военных операций»²⁵. Буржуазные депутаты парламента устроили овацию «революции ради войны», а на завтра буржуазная пресса Италии выступила с восторженными панегириками в честь руководителей буржуазного Временного правительства, этих героев «маленькой революции для большой войны».

Центристские лидеры итальянской социалистической партии поспешили на помощь буржуазии. Газета «Avanti» открыла шумную кампанию в защиту шовинистической позиции русских меньшевиков. Она печатала статьи Чхеидзе, Церетели и К^о, широко рекламировала их «революционное оборончество», всячески стараясь уверить рабочих, будто Россия ведёт теперь войну не ради выгод помещиков и капиталистов, а ради «защиты от немецкого самодержавия».

Однако, вопреки буржуазной дезинформации и клевете, итальянские рабочие увидели в февральской революции призыв не к продолжению, а к прекращению империалистической войны. Они поняли, что миллионные массы трудящихся России поднялись на борьбу за требования, жизненно важные для народов всех стран, на борьбу за мир, хлеб и свободу. Итальянские рабочие восприняли революционные события в России как сигнал к развёртыванию своей собственной борьбы против империалистической войны.

«Я вижу, точно это было вчера,— вспоминает в те годы молодой туринский рабочий, а ныне член ЦК Итальянской коммунистической партии Марио Монтаньяна,— двор завода Диатто Фрежюс в день, когда газеты принесли новое известие о февральской революции в России... Сотни и сотни моих товарищей по работе собрались здесь, взволнованные и счастливые, и, показывая друг другу газеты, говорили, спорили, обсуждали... В течение всего дня в цехах царил оживший возбуждение... атмосфера праздника, взволнованная и полная энтузиазма...»²⁶. «Весть о февральской революции в России была воспринята в Турине с неопишуемой радостью. Рабочие плакали от волнения, узнав, что режим царя был сброшен рабочими Петрограда»²⁷,—свидетельствует А. Грамши.

К моменту революции в России, в середине марта 1917 г., в Турине происходил ряд экономических забастовок. Оппортунистические лидеры туринской палаты труда всячески уговаривали рабочих вернуться на работу, но весть о русской революции сорвала манёвры оппортунистов. Вслед за получением этой вести вспыхнули новые стачки на табачной фабрике, в арсенале, на заводах Гофмана и Риальцо. Движение приобрело политический характер²⁸. Рабочие были охвачены стремлением не только добиться удовлетворения своих экономических требований, но и покончить с империалистической войной.

Брожение среди рабочих не утихло и после того, как они добились удовлетворения ряда своих требований. «В марте этого года,— жаловался впоследствии на заседании палаты правый социалист Казалини,— туринские рабочие оставили фабрики. Они сделали это без указания своих руководителей. Даже те, кто только недавно добился увеличения заработной платы, прекратили работу и направились в рабочие организации. Когда у них там спросили, почему они забастовали и подают ли мемориал о желательных экономических улучшениях, рабочие ответили: «Нет, мы хотим сделать, как в России»²⁹.

²⁵ «Atti del parlamento italiano. Camera del deputati». Sessione 1913—1917. Discussioni. Vol. XII, p. 13055 (в дальнейшем «Atti del parlamento italiano...»).

²⁶ М. Монтаньяна. Ricordi di un operaio torinese. Roma. 1949, vol. 1, p. 64. Есть русский перевод: М. Монтаньяна. Воспоминания туринского рабочего. М. 1951.

²⁷ Р. То gliatti. Gramsci. Milano. 1949, p. 33.

²⁸ «Corriere della sera», 19 июля 1918 года.

²⁹ «Atti del parlamento italiano...» Vol. XIV, p. 14656. Антивоенный характер мартовского движения туринских рабочих признал и представитель итальянского правительства. «Казалини напомнил нам,— дополнил рассказ своего «коллеги» генеральный комиссар продовольствия Канепа,— что уже в марте 1917 г. Турину грозили народные

Соглашатели в конце концов сумели побудить рабочих вернуться на фабрики, но стремление «сделать, как в России» всё прочнее укреплялось в сознании широких масс итальянского рабочего класса.

Революционное брожение в рабочем классе нарастало. В апреле 1917 г. на металлургических заводах Турина встал вопрос о 24-часовой забастовке протеста против казарменной дисциплины и невыносимо тяжёлых условий труда на предприятиях. В руководящей коллегии туринаской секции итальянской федерации металлургов идею всеобщей забастовки протеста поддержали Монтаньяна и двое его товарищей, ещё осенью 1916 г. выдвинутых в коллегию рабочими. Заводы волновались. Всеобщая забастовка, по словам префекта Турина Вердинуа, казалась неизбежной. С большим трудом лидерам профсоюзных организаций удалось на этот раз предотвратить её.

Сочувственные отклики на февральскую революцию в России имели место не только в крупнейшем промышленном центре Италии — Турине, но и в других районах страны. С конца марта на страницах «Avanti» начали появляться приветствия итальянских рабочих-социалистов и беспартийных русской революции и русскому пролетариату³⁰. Эти приветствия принимали низовые социалистические секции крупных городов, рабочие сходки, собрания батраков. Итальянские рабочие желали русскому пролетариату «охранить завоёванную свободу от буржуазной реакции» и выражали надежду, что «пролетариат всего мира сумеет, последовав русскому примеру, освободиться от тирании».

Доклады о русской революции обычно проходили при переполненных аудиториях, и собравшиеся устраивали овации при одном упоминании о России. Вести о русской революции усилили стремление итальянского народа к миру. В конце апреля 1917 г. полиция обнаружила в крупнейших итальянских городах — Милане, Флоренции и Турине — нелегальные прокламации, зовущие итальянских рабочих следовать русскому примеру.

Туринская прокламация говорила о необходимости насилия и восхваляла русскую революцию³¹. Прокламация, распространявшаяся во Флоренции 1 мая 1917 г., «восхваляла русскую революцию, мир и многое другое, о чём рассказать не позволит цензура»³². Миланская прокламация, выпущенная в канун 1 мая группой анархистов, звала итальянцев последовать примеру русских товарищей, устроить «социальную революцию против войны» и объявить всеобщую забастовку, которая экспроприрует капиталистов. Автор прокламации, переплётчик К. Гобби, был приговорён буржуазным судом к 10 годам тюремного заключения, два его «соучастника» (механик и обойщик) — к 10 и 8 годам³³.

Учитывая настроение масс, правительство сочло необходимым предупредить мобилизационные комитеты, чтобы они «не настаивали» на выходе рабочих 1 мая на работу. Помогая правительству обеспечить 1 мая «порядок», руководители итальянской социалистической партии призывали рабочих отказаться от «негармонирующих с серьёзностью момента шумных первомайских демонстраций и сборищ»³⁴. Стремясь выбить из рук рабочего класса такое могучее оружие борьбы и укрепления международной солидарности, каким является боевая первомайская демонстрация, предатель Турати говорил: «1 мая стало с начала войны днём размышления и сосредоточения. Оно должно походить на религиозные церемонии — на рождество и пасху»³⁵.

волнения, которые ему и его товарищам удалось сдержать и которые были вызваны желанием прекратить войну» («Atti del parlamento italiano...» Vol. XIV, p. 14777).

³⁰ См. «Avanti» 22, 27, 29, 30 марта, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14, 15 апреля 1917 г. и др.

³¹ См. там же, 31 июля 1918 года.

³² Там же, 18 апреля 1918 года.

³³ См. там же, 20 апреля 1918 г. и «Corriere della sera» 23 апреля 1918 года.

³⁴ Там же, 30 апреля 1917 года.

³⁵ Там же, 3 мая 1917 года.

Вопреки таким призывам, 1 мая 1917 г. в Италии бастовало подавляющее большинство рабочих промышленных предприятий и множество сельскохозяйственных рабочих. В некоторых местностях к бастующему пролетариату присоединились, закрыв свои лавки и мастерские, мелкие буржуа. Не работали и начальные школы. Помещения социалистических секций и рабочих клубов, где проходили первомайские собрания, не могли вместить всех желающих. Рабочие с большим подъёмом принимали антивоенные резолюции, восторженно приветствовали выступления, посвящённые русской революции³⁶.

Опасаясь уличных демонстраций, власти в Турине отдали провокационное распоряжение войскам занять помещение местных социалистических и профсоюзных организаций — Народный дом. Утром 1 мая здание было оцеплено карабинерами и полицией. Кавалерийские отряды разгоняли рабочих, стремясь предотвратить уличную демонстрацию. Несмотря на это, на площади перед зданием Народного дома собралось несколько тысяч человек, на крыше дома взвился красный флаг. Полиция приступила к массовым арестам³⁷. Весь день в общественных зданиях и казармах Турина дежурили в боевой готовности воинские части³⁸.

В Милане на первомайское собрание в Народном доме собралось большое количество рабочих и крестьян из ближайших деревень. Когда Турати обратился к собравшимся с прославлением «демократических идеалов» империалистов Антанты (то есть, по сути, с призывом продолжать войну), в зале раздались крики: «Долой!» Турати тщетно пытался перекричать собрание. В ярости он оскорблял людей, не желавших его слушать. Зал отвечал ему гневными возгласами и презрительным свистом. Предоставив освистанному «вождю» в бессильной ярости метаться по трибуне, рабочие и крестьяне с пением «Интернационала» оставили здание³⁹. На улице они построились в колонны и двинулись многотысячной демонстрацией к зданию миланского муниципалитета. Одновременно толпы крестьян пытались проникнуть в город, прорвав полицейские кордоны. Многим удалось прорваться сквозь заставы. Крестьяне двинулись к центру, и только здесь полиции удалось их рассеять⁴⁰.

На другой день рабочие миланских заводов не вышли на работу. Бастовали даже рабочие военных предприятий, где неявка на работу расценивалась как дезертирство. Не вышли и некоторые газеты. Забастовка продлилась 2 и 3 мая. Оба дня на улицах Милана не прекращались бурные демонстрации женщин и подростков, кричавших: «Верните наших мужей и отцов из окопов!» По некоторым сведениям, число демонстрантов доходило до 20 тыс. человек⁴¹. Голодные толпы громили хлебные лавки, склады, били стёкла в окнах правительственных зданий, портили трамвайные линии. На улицах города происходили стычки между демонстрантами и войсками.

4 мая Милан напоминал военный лагерь. В городе шли массовые аресты, на главной площади перед собором бивуаком стояли войска. По улицам проходили шумные демонстрации интервенционистов⁴², органи-

³⁶ См. отчёт о первомайских событиях в «Avanti» 3, 4 и 6 мая и «Corriera della sera» 3 мая 1917 года.

³⁷ «Не стоит приводить имена арестованных: их список был бы слишком длинным», — писала 3 мая туринская газета «Stampa».

³⁸ «Avanti» и «Berger Tagwacht», 3 мая 1917 года.

³⁹ «Avanti» 3 мая 1917 года.

⁴⁰ «Lo stato operaio». Paris 1927. № 6, p. 652.

⁴¹ Р. Григорьев. Указ. соч., стр. 21.

⁴² «Интервенционистские» организации, созданные на средства монополий, ратовали в 1914—1915 гг. за вступление Италии в мировую войну, а в последующие годы — за войну до победы. Видную роль среди них играли союзы, организованные Муссолини, из которых впоследствии вербовала свои кадры фашистская партия. Они выражали интересы наиболее реакционных и агрессивных слоёв итальянского финансового капитала.

зованные по указке правительства. Они наполняли улицы города звуками военных маршей и криками «Война до победы!» В рабочих кварталах продолжалось брожение, на фабриках распространялись нелегальные прокламации, призывавшие к возобновлению забастовки⁴³.

Продовольственные волнения и антивоенные выступления произошли в первых числах мая и во многих других городах и селениях Ломбардии. Здесь, как и в Милане, проходили в эти дни народные демонстрации, женщины требовали возвращения мужчин из армии, бросали камни в окна фабричных зданий и домов богатей, громили хлебные лавки и вступали в перебранку и рукопашные схватки с карабинерами и полицией. Антивоенные выступления были в эти дни также на юге Италии и в Сардинии. Возглас «Долой войну!» звучал всюду.

Первомайские демонстрации рабочих и крестьян ускорили выделение и сплочение левых элементов итальянской социалистической партии. 7—9 мая в Милане состоялось совещание руководства партии совместно с парламентской группой, редакцией «Avanti» и представителями местных партийных организаций. Встревоженный ростом народного движения, предатель Турати потребовал, чтобы партия осудила «импульсивные действия», как он презрительно и злобно именовал выступления рабочих. Представители местных организаций, связанные с массами и отражавшие их настроения, настаивали, напротив, чтобы партия оказывала поддержку этим выступлениям.

В результате трёхдневных споров была принята предложенная сторонниками Турати резолюция, которая предупреждала партийные организации, что «только руководящим органам партии принадлежит инициатива движений всеобщего политического характера», и предлагала им «не брать на себя инициативы изолированных, местных движений»⁴⁴. Так, под предлогом предотвращения разрозненных выступлений оппортунистическое руководство партии стремилось затормозить могучую волну нарастающего антивоенного движения в стране. Эти расчёты были, однако, сорваны последующими событиями.

Обсуждение миланских решений низовыми организациями партии показало, что левое течение в них значительно сильнее, чем это думали партийные лидеры. Социалистическая секция Флоренции первой приняла резолюцию протеста против миланских решений, «как не соответствующих интересам пролетариата»⁴⁵. Через несколько дней аналогичную резолюцию вынесли социалисты Неаполя⁴⁶, а затем и конгресс социалистической федерации провинции Бари⁴⁷. Центральный комитет итальянской социалистической юношеской федерации отправил руководству партии меморандум с критикой миланских решений⁴⁸. В Ливорно, в Кроче сан Спирито, в Кастелламаре ди Стабиа, в Гроссето, Шьякка, Савоне и других местах социалисты единодушно требовали от своего руководства действий, «непримиримых (по отношению к буржуазии) и отвечающих интересам пролетариата»⁴⁹. В Турине на собраниях, обсуждавших миланские решения, присутствовало, вопреки запрету полиции, по несколько тысяч рабочих. Здесь левое крыло, не согласное с взятой в Милане оппортунистической линией, образовало свою фракцию и назвало её «rigida» — «несгибаемая». В Риме борьба между сторонниками двух течений привела к расколу в руководстве местной организации⁵⁰.

В ходе борьбы левые социалисты различных городов вступали в контакт. Они посылали друг к другу делегатов, обменивались письма-

⁴³ «Avanti», 6 мая 1917 года.

⁴⁴ Там же, 10 мая 1917 года.

⁴⁵ Там же, 22 мая 1917 года.

⁴⁶ Там же, 25 мая 1917 года.

⁴⁷ Там же, 21 июня 1917 года.

⁴⁸ Там же, 16 июня 1917 года.

⁴⁹ Там же, 3, 7, 13, 15, 17, 21 июня 1917 года.

⁵⁰ Там же 19 июня 1917 года.

ми. Во Флоренции был создан специальный комитет для установления единства действий с левыми социалистами других городов⁵¹. Левые социалисты объединяли наиболее передовую часть рабочего класса страны, но к ним присоединилось и множество мелкобуржуазных, центристских элементов, которые в обстановке нарастающего революционного подъёма охотно пользовались «левой» фразеологией. В большинстве случаев именно эти мелкобуржуазные центристские элементы захватывали в свои руки руководство левыми группами. Эти элементы не хотели разрыва с правыми. Даже самые радикальные элементы среди левых социалистов не решались пойти на организационный раскол с оппортунистами.

Левые социалисты были за поддержку антивоенных выступлений масс, но они не видели связи между борьбой против империалистической войны и борьбой за власть, не понимали, что единственным средством завоевания справедливого, демократического мира является свержение власти буржуазии. В антивоенных выступлениях масс левые видели всего лишь средство «нажима» на буржуазное правительство с целью добиться скорейшего заключения мира. «Выходите на улицу сказать ваше «basta!» («хватит!») и приказать заключить мир!»—обращалась к итальянским рабочим прокламация левых социалистов Флоренции. Как, в какой форме скажет итальянский народ своё «basta» правительству, это итальянским левым также было неясно. Некоторые левые мечтали о чём-то вроде анархистской стачки скрещённых рук, когда рабочие военных предприятий Милана, Генуи, Турина прекратят работу и Италия выйдет из войны из-за отсутствия снарядов. Другие хотели бороться с войной, призывая солдат к дезертирству из армии. Лишь немногие левые думали о вооружённом восстании.

Итальянские левые ещё не были в 1917 г. революционными марксистами. Отдельные марксистские положения перемешивались в их сознании с элементами анархизма, синдикализма, максимализма. Ещё не освободившись из-под влияния центристской фразеологии, не оформившись организационно, они ощупью делали первые шаги.

Между тем в стране росла экономическая разруха, обострялся продовольственный кризис. В провинциях Авеллино, Реджо, Калабрия, Козенца и Мессина хлеба не было по неделям. В таких крупных центрах, как Флоренция, Неаполь и Рим, ощущались значительные перебои в подвозе муки⁵². Голодные волнения и антивоенные демонстрации женщин становились повседневным явлением в жизни страны. В мае 1917 г. толпы женщин и мужчин демонстрировали по улицам Неаполя, требуя «мира и хлеба», и пытались захватить муниципалитет. Войска, вызванные для расправы с демонстрантами, отказались стрелять в народ. Послушные воле правительства, полицейские открыли огонь и убили двух женщин. Множество рабочих было арестовано. Прошло несколько недель, и в июне демонстрация неаполитанских рабочих снова переросла в кровавую стычку с полицией⁵³. 20 июня 1917 г. возбуждённые массы населения Рима пришли к зданию парламента требовать мира. Власти спешно вызвали для охраны парламента усиленные отряды карабинеров и полиции.

Обыски, высылки, отправка рабочих на фронт, широко практикуемые властями, не достигали цели. Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что забастовки на военных предприятиях Турина, Милана, Генуи, Терни, Алессандрии учащаются. Многие из этих забастовок носили

⁵¹ «Avanti», 22 мая 1917 года.

⁵² «Atti del parlamento italiano...» Vol. XIV, p. 14903.

⁵³ «Sentinelle», 3 октября 1917 года.

открыто политический характер. В Турине похороны трёх рабочих, погибших при взрыве на пороховом заводе, превратились в грандиозную демонстрацию против войны⁵⁴. Учащались и бурные вспышки крестьянских волнений. В истомлённых военными поборами и реквизициями деревнях голодные исполщики и батраки громили амбары и мучные лабазы, восклицая: «Если богатые хотели войны, то пусть они несут и её последствия!»

В движении пришли и массы отсталого, полного суеверий и монархических иллюзий крестьянства Юга. В Апулии к статуе богородицы, которую народ считал чудотворной, ежедневно стекались сотни крестьянок молить о мире. В Базиликате среди крестьян распространился слух, что война не оканчивается потому, что синьоры (то есть помещики) подадут об этом прошения королю. Заезжий сенатор, которого крестьяне сочли организатором подобной петиции, чуть не был убит здесь возбуждённой толпой.

Усиливалось антивоенное движение в армии. С января 1916 г. по июль 1917 г. через один только Римский военный трибунал прошло 10 тыс. дел по обвинению военнослужащих в симуляции и нанесении себе ранений с целью избавиться от военной службы⁵⁵. Иностранная печать сообщала о десятках тысяч дезертиров, скрывавшихся с помощью населения в горных чащах Италии, приводила номера и названия воинских частей, солдаты которых отказались воевать, убивали своих офицеров и выходили из окопов с возгласами «Да здравствует мир!»⁵⁶

Сведения о солдатских выступлениях и жестокостях их подавлении проникали в тыл. «Повсюду, — вспоминает Джерманетто, — шушукались о расстрелах каждого десятого из отказавшихся сражаться солдат, знали, что число дезертиров было велико, так что в Южной Италии образовались даже вооруженные их отряды»⁵⁷.

По мере того как в Италии поднималась волна народного возмущения, передовые рабочие всё чаще обращали свои взоры в сторону России, где в это время росло и ширилось движение пролетариата, направленное на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Всё популярнее становились среди рабочих имя Ленина и слово «большевик».

М. Монтаньяна вспоминает: «Почти все мы, социалисты (Монтаньяна имеет в виду рядовых социалистов Турина, которые почти все стояли на левых позициях. — К. К.), и с нами громадное большинство рабочих были с Лениным и большевиками. Мы не знали их учения и их взглядов, но мы были с ними потому, что они были против продолжения войны, и еще более потому, что на них нападали, их оскорбляли все сторонники войны, все буржуа Италии»⁵⁸.

В Турине редактор газеты Туринской социалистической секции А. Грамши, ставший впоследствии основателем Итальянской коммунистической партии, уже в то время спланировал лучших представителей туринского пролетариата и интеллигенции. Близкие к Грамши рабочие знакомы со статьями В. И. Ленина. П. Тольятти вспоминает, как по инициативе Грамши ленинские статьи в годы войны переводились в Турине на итальянский язык, коллективно читались, обсуждались и распространялись на фабриках и заводах⁵⁹.

К русской революции, к большевикам, к Ленину тянулись революционные элементы рабочего класса всей Италии. В приветствиях, которые рабочие собрания и низовые секции итальянской социалистической

⁵⁴ М. Montagnana. Указ. соч. Т. 1, стр. 64.

⁵⁵ «Atti del parlamento italiano...». Vol. XIII, p. 14191.

⁵⁶ См. хотя бы «Sentinelle», 5 и 15 октября 1917 года.

⁵⁷ G. Germanetto. Указ. соч., стр. 82.

⁵⁸ М. Montagnana. Указ. соч. Т. 1, стр. 67.

⁵⁹ P. Togliatti. Gramsci, p. 36.

партии посылали русским рабочим, всё чаще встречались горячие слова сочувствия большевикам. В Турине на одном из собраний в июне 1917 г. рабочие не дали говорить реформисту, пытавшемуся клеветать на большевиков, и заглушили его голос громкими возгласами «Да здравствует Ленин!»⁶⁰. Широкие массы итальянского рабочего класса уже летом 1917 г. увидели в большевиках единственно последовательных и решительных борцов за дело мира и социализма.

Отношение итальянских рабочих к большевикам, к Ленину ярко проявилось в начале августа 1917 г., во время поездки русской делегации по Италии. Делегацию направил Всероссийский Центральный Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов. Русские меньшевики и эсеры рассчитывали с помощью этой делегации установить тесные связи с зарубежными социал-предателями и выработать общую платформу борьбы против революционного движения пролетариата, за спасение капиталистического строя. Выдавая себя за «посланцев русской революции», меньшевики стремились снискать себе популярность и симпатии западноевропейских рабочих.

В свою очередь, Турати и К^о рассчитывали использовать поездку этой делегации, чтобы убедить итальянских рабочих в необходимости поддерживать империалистическую войну и обслуживать её нужды. «Avanti!» из номера в номер писала о приезжих делегатах как о «посланцах русских Советов» и «истинных представителей русского народа». Итальянские рабочие, в массе своей ещё плохо разбиравшиеся в борьбе партий в русском рабочем движении, на первых порах были склонны этому поверить.

И всё же рабочие митинги, организованные в связи с приездом русской делегации, превратились против воли их устроителей во внушительные демонстрации солидарности и симпатии итальянских рабочих прежде всего к большевикам. В Риме на собрание, созванное в связи с приездом русской делегации, пришло две с половиной тысячи рабочих. Делегацию встретили восторженными криками «Viva Lenin!». Когда меньшевики заикнулись было, что они «против Ленина», в зале раздались свистки и гневные крики⁶¹.

Во Флоренции, перед домом, в котором находилась делегация, два часа проходила грандиозная рабочая демонстрация. Из рядов демонстрантов непрестанно раздавалось: «Да здравствует Ленин, долой войну!» Вечером на городской площади состоялся десятитысячный митинг. «Каждое слово о русской революции, — признавался впоследствии один из участников делегации, — электризовало массы. Энтузиазм был такой, как в первые революционные дни в России. Ораторы требовали прекратить войну»⁶².

В центр большой сельскохозяйственной провинции Равенну делегация ехала ночью на автомобиле, на всём протяжении пути обгоняя группы пешеходов. Это были окрестные крестьяне, спешившие в город на встречу с «посланцами русских Советов». На собрании в Равенне присутствовало 6 тыс. человек, главным образом крестьян. Рассказывая впоследствии о своём впечатлении от этого собрания, меньшевики вынуждены были отметить: «Там был повстанческий дух!»⁶³.

В Болонье рабочие требовали от приезжих рассказа о большевиках, о Ленине. «Почему вы не заключаете мира?» — кричали они меньшевикам⁶⁴. В Милане рабочие профсоюзы пришли встречать делегацию стройными колоннами с красными знамёнами. На площади перед вокзалом собралось 20 тыс. человек. Здесь снова гремел всё тот же возглас:

⁶⁰ «Berliner Tagwacht», 2 июля 1917 года.

⁶¹ «Arbeiter Zeitung», 26 октября 1917 года.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

«Viva Lenin!»⁶⁵. Вечером в переполненном рабочими большим зале палаты труда, где состоялось собрание, возгласы в честь мира и против войны гремели, не затихая.

Встреча с рабочими Турина была кульминационным пунктом поездки делегации. Здесь на собрание в честь «делегатов русских Советов» пришло 25 тыс. человек. Собрание открылось на площади перед Народным домом, и ораторы обращались к народу с балкона. Они требовали мира, заявляли, что «русская революция — это предупреждение правительствам, желающим продолжать войну»⁶⁶. Возгласы «Да здравствует Ленин, да здравствует революционная Россия!» смешивались с возгласами «Да здравствует итальянская революция!»

Каждый намёк меньшевиков на необходимость «сохранять благоразумие» и продолжать войну рабочие встречали громовыми возгласами: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствуют большевики!». Два бедных меньшевика были в отчаянии, рассказывает Монтаньяна, бледнели, краснели. Кое-как закончив своё выступление, они спешно ретировались⁶⁷.

Грандиозное собрание рабочих в связи с приездом русской делегации явилось прологом туринского восстания — высшей точки революционного подъёма летом 1917 г. в Италии.

Турин был крупнейшим промышленным центром Италии, и его пролетариат шёл в первых рядах итальянского рабочего класса. Летом 1917 г. в Турине происходили почти непрерывные забастовки и антивоенные демонстрации. В начале августа волнения приняли особенно широкий размах. В это время в городе остро ощущалась нехватка муки. Булочные оказывались пустыми уже вскоре после открытия⁶⁸. Положение рабочих занятых на предприятиях по 10—12 часов в сутки и не имевших возможности выстаивать ночи в хлебных очередях, было особенно тяжёлым. В то время как рабочие голодали, хлеб для богатых продавался с заднего крыльца⁶⁹. 21 августа хлеба в рабочих районах уже не было совершенно, и в городе начались стихийные демонстрации населения и массовый разгром лавок. Народ захватил также несколько оружейных магазинов⁷⁰. Улицы были полны возбуждённой толпой, в разных концах Турина происходили стычки рабочих с полицией⁷¹. С утра 22 августа 1917 г. забастовали рабочие многих предприятий, в том числе и военных.

С перерастанием волнений на почве голода в рабочую забастовку чётко выявился антивоенный характер событий. Рабочие автомобильного завода Диатто Фрежюс, вспоминает Монтаньяна, собрались у входа на завод и кричали: «Давай хлеба!» Перепуганный хозяин прибежал, обещая достать хлеб у военного командования. В ответ из сотен грудей раздались крики: «Нам мало хлеба, мы хотим мира! Долой акул (то есть капиталистов.— К. К.), долой войну!»⁷².

Лидеры профсоюзов тщетно пытались сдержать массы. Рабочие освистали генерального секретаря туринской палаты труда⁷³, когда тот призывал их прекратить забастовку. К четырём часам дня 22 августа забастовка уже стала всеобщей. Колонны демонстрантов проходили по центральному улицам Турина. Демонстранты пели: «Возьми своё ружьё

⁶⁵ «Corriere della sera», 11 августа 1917 года.

⁶⁶ «Avanti», 13 июля 1918 года.

⁶⁷ М. Монтаньяна. Указ. соч. Т. 1, стр. 68.

⁶⁸ «Stampa», 10 августа 1917 года.

⁶⁹ «Avanti», 23 июля 1918 года.

⁷⁰ G. Germanetto. Указ. соч., стр. 107.

⁷¹ «Corriere della sera», 23 сентября 1917 года.

⁷² М. Монтаньяна. Указ. соч. Т. 1, стр. 69.

⁷³ «Avanti», 23 июля 1918 года.

и брось его наземь. Мы хотим мира! Мы хотим мира! Мы хотим мира и никогда больше не хотим войны!»⁷⁴. К концу дня в булочные начал поступать хлеб, выпеченный из спешно отпущенной военным командованием муки. Но в это время в городе уже раздались первые выстрелы, строились первые баррикады. Утром 23 августа баррикады опоясали все рабочие предместья Турина.

Туринское восстание началось, как это впоследствии признал министр внутренних дел Италии Орландо, когда хлеб в городе уже был⁷⁵. Голод для туринских рабочих послужил лишь толчком к тому, чтобы взяться за оружие. Направленное непосредственно против войны, восстание было нацелено против итальянского империализма, в интересах которого велась война.

В первый же день восстание приняло массовый, подлинно народный характер. Всё население рабочих пригородов Турина принимало участие в борьбе. На головы солдат падала с крыш черепица, брошенная меткими руками подростков, женщины лили крутой кипяток. Рабочие рыли волчьи ямы, в которые попадали двинутые против них броневики, стреляли с балконов и из окон домов. Имея лишь ружья и гранаты, рабочие стойко выдерживали натиск хорошо вооружённого врага⁷⁶.

Повстанцы старались привлечь на свою сторону двинутые против них войска. В обвинительном заключении по делу о восстании в Борго Сан-Паоло (привышленный пригород Турина) говорилось впоследствии, что рабочие «побуждали солдат сложить оружие... и расклеивали манифесты, в которых звали их подражать русским войскам»⁷⁷ (то есть перейти на сторону народа.— К. К.). Женщины кидались к солдатам с возгласами «Вы наши братья!» Группа работниц легла на дорогу, преграждая путь броневикам. Броневики остановились, сидевшие в них солдаты, бледные, с залитыми слезами и потом лицами, отказывались стрелять в народ⁷⁸. Нередко солдаты, внешне повинуясь приказам офицеров, стреляли в воздух⁷⁹. Отряд альпийских стрелков перешёл на сторону восставших и под ликующие возгласы рабочих передал им свои ружья⁸⁰.

Победа туринского восстания, как и всякого народного восстания, зависела от наличия подлинно революционного руководства. Но именно такого руководства и не было в Турине. Большинство туринских социалистов входило в левую фракцию. Официальные лидеры фракции много говорили о необходимости поддерживать антивоенные выступления масс, но когда жизнь поставила их лицом к лицу с таким выступлением, они отступили. «В августовских событиях, не организованных партией, я не принимал никакого участия,— показывал впоследствии на суде один из лидеров туринских социалистов, Барберис,— о погромах лавок узнал в трамвае, по пути на почту. Я тут же решил вернуться назад, ибо понимал, что если окажусь в поле зрения полиции, то буду немедленно арестован»⁸¹.

23 августа в городе состоялось совещание, на котором присутствовало около 30 руководящих деятелей партии и профсоюзов. По свидетельству Монтаньяны, все участники совещания были растерянные и «не знали, что

⁷⁴ G. Germanetto. Указ. соч., стр. 108.

⁷⁵ «Atti del parlamento italiano...». Vol. XIV, p. 14903.

⁷⁶ См. A. Gramsci. Il movimento comunista torinese. «Lo stato operaio». Paris. 1927. № 6, а также «Cronica dei fatti di agosto» в том же номере журнала.

⁷⁷ «Corriere della sera», 6 июля 1918 года.

⁷⁸ G. Germanetto. Указ. соч., стр. 109.

⁷⁹ «Avanti», 23 июля 1918 года.

⁸⁰ «Lo stato operaio». 1927. № 6, p. 661.

⁸¹ «Avanti», 13 июля 1918 года. Характерно, что судебные власти, организуя в 1918 г. «Туринский процесс» и стремясь представить восстание делом «кучки социалистов», не сумели обвинить последних в руководстве вооружённой борьбой и вменили им в вину лишь «моральную ответственность» за восстание.

делать, какой лозунг дать массам». В конце концов собрание решило срочно отправить делегацию в Милан — известить руководство итальянской социалистической партии и Конфедерацию труда о начавшихся событиях и просить указаний. Из Милана не последовало ответа, и руководители туринских рабочих организаций предоставили событиям идти своим чередом⁸². Приезд в Турин Серрати не изменил положения. Увидав, что туринские социалисты не руководят движением, и он остался, по его собственному признанию, простым «свидетелем событий»⁸³.

Если растерявшиеся «левые» — лидеры туринских социалистов — оказались в момент действия банкротами, то рядовые социалисты, особенно недавно пришедшая в социалистическое движение рабочая молодёжь, не только сражались в первых рядах на баррикадах, но и пытались организовать и направить начавшуюся борьбу. На стенах домов были расклеены прокламации, призывавшие бороться до победы. Летучие митинги собирались в перерывах между боями на улицах восставших предместий. Однако, предоставленные собственным силам, покинутые лидерами, рядовые социалисты не могли стать подлинными руководителями восстания. «Встречаясь вечерами в районных клубах (речь идёт о днях восстания. — К. К.), мы не составляли никаких проектов, никаких планов на завтра. Фактически мы не руководили движением, а следовали за его стихийным ходом»⁸⁴, — вспоминает Монтаньяна.

Отсутствие руководства приводило к нецелесообразной затрате сил, сказывалось в отсутствии единого плана борьбы. Утром 23 августа в руках восставших были все рабочие предместья Турина. Исход борьбы зависел от того, сумеют ли восставшие захватить центр города, находившийся в руках правительственных войск. Но каждое предместье действовало на свой страх и риск. В каждом предместье борьба распадалась на множество не связанных единым замыслом выступлений. Восстание носило в основном оборонительный характер.

Часть повстанцев сделала всё же несколько попыток прорваться из предместий в центр. Самая значительная попытка была предпринята 24 августа в Барriere ди Милано (промышленное предместье Турина). В этот день улицы, ведущие из рабочих предместий в центр, уже захватили войска; рабочие всё же продвинулись почти до самого центра. Военному командованию удалось отбить их ожесточённый натиск, лишь расстреляв наступавших из расставленных на крышах домов митральез. Пули, летевшие сверху, разили метко. Спаслись от них лишь те, кто успел вбежать в распахнутые жителями двери домов. После этого восстание в Барriere ди Милано пошло на убыль. В других предместьях также сказывались усталость повстанцев от непрерывных боёв и неравенство сил. А военное командование наступало, вводя в бой всё новые, спешно переброшенные в Турин воинские части⁸⁵. «Прочёсывая» захваченные кварталы, они обстреливали улицы, переулки, стреляли через окна внутрь домов, убивая детей, женщин и стариков.

В напряжённой обстановке тех дней народное восстание в Турине могло легко перебраться в другие районы страны. Недаром префекты

⁸² М. Montagnana. Указ. соч. Т. 1, стр. 72—73.

⁸³ «Corriere della sera», 6 июля 1918 года.

⁸⁴ М. Montagnana. Указ. соч. Т. 1, стр. 76—77.

⁸⁵ В Турин была переброшена сформированная из невежественных и забитых крестьян бригада Сассари. Грамши приводит разговор сардинца-рабочего, посланного туринскими социалистами разузнать настроение бригады, с одним из её солдат. «Зачем вы пришли в Турин, что вы собираетесь здесь делать? — спросил земляка рабочий. «Мы пришли, чтобы стрелять в господ, устраивающих забастовки». «Но ведь забастовки устраивают не господа, их устраивают рабочие, они же — бедняки». «Здесь все господа, все носят воротнички и галстуки», — был ответ. Через несколько месяцев, пишет Грамши, командованию пришлось убрать бригаду Сассари, как «ненадёжную» и распространяющую рабочими из Турина (Gramsci. La questione meridionale. Roma. 1951, p. 18—19. См. также Л. Ломбардо-Радиче и Дж. Карбоне. Жизнь Антонио Грамши. М. 1953, стр. 44).

Анконы, Генуи, Рима и других городов и провинций Италии осаждали правительство просьбами о спешной помощи, всячески подчёркивая, что туринские события возможны и у них. Восстание действительно начало распространяться за пределы Турина. Оно втягивало в свою орбиту прилегающие к городу промышленные местечки Сеттимо, Монкальери, Авильяно и др., где рабочие в дни туринских боёв бастовали, разбивали железнодорожные пути и вступали в столкновения с полицией⁸⁶. В восстание втягивались и крестьяне. Так, в округе Вигано (Туринская провинция) крестьяне отказались в дни восстания сдавать хлеб по реквизиции и потребовали прекращения войны. Здесь прямую помощь властям оказывали социал-предатели. Социалистический депутат округа Вигано Гроссо-Компанья спешно выехал к своим избирателям, убеждая их «подчиниться приказу». Этот холоп буржуазии заверял председателя совета министров Бозелли, что будет «и впредь помогать правительству реквизировать хлеб у крестьян»⁸⁷.

Правительство запретило прессе сообщать что-либо о событиях в Турине. «Avanti» постыдно подчинилась запрету и выходила в дни боёв с полосами, заполненными обычным материалом. Буржуазные газеты наперебой сообщали о «патриотических манифестациях», происходящих якобы в Турине. «Город покрыт знамёнами, на улицах, на площадях спокойная и оживлённая жизнь», — писала газета «Corriere della sera» в корреспонденции из Турина, помеченной 27 августа 1917 года⁸⁸. Всё же уже в дни боёв вести о туринском восстании проникли во многие города. В Милане рабочие, узнав о восстании, хотели помочь своим туринским товарищам. Но социалистические лидеры и здесь сыграли предательскую роль. Они спешно созвали совещание представителей рабочих организаций Милана, на котором настойчиво уверяли рабочих, что в Турине происходит всего лишь «голодный бунт» и что надо «сохранять спокойствие»⁸⁹.

Преданные вождями социалистической партии, туринские рабочие оказались в трудном положении. 25 августа военное командование овладело основными стратегическими пунктами в городе. Полиция хозяйничала на улицах, разгоняя демонстрации, разрушая баррикады и производя аресты. Социалистические вожаки призывали рабочих сложить оружие и покориться военным властям. 26 августа профсоюзные лидеры и социалисты-депутаты Турина обратились к рабочим с призывом выйти на работу.

В тот же день (26 августа) молодые рабочие раздавали прохожим на одной из улиц города красные листовки, подписанные «группой рабочих революционеров», с призывом к борьбе до последних сил⁹⁰. Но народные массы были уже истощены в неравной борьбе и вынуждены были отступить. 27 августа всеобщая забастовка на предприятиях Турина прекратилась.

В этот день у городских кладбищ и моргов разыгрался последний акт драмы. Тысячи рабочих семей пришли сюда искать своих близких. По официальным сообщениям, число жертв равнялось нескольким десяткам человек. Но фактически их было более 500. Кроме того, более 2 тыс. рабочих было тяжело ранено⁹¹. Военное командование закрыло доступ в морги и распорядилось похоронить погибших в братской могиле. Ещё долго после похорон эту безымянную могилу покрывали красные цветы⁹².

⁸⁶ «Lo stato operaio». 1927, № 6, p. 666.

⁸⁷ «Atti del parlamento italiano...» Vol. XIV, p. 16471—2.

⁸⁸ См. номер от 28 августа 1917 года.

⁸⁹ «Avanti», 24 июля 1917 года.

⁹⁰ «Lo stato operaio». 1927, № 6, p. 664.

⁹¹ Там же, стр. 665.

⁹² Agosto 1917. I fatti da Torino. A cura della sezione femminile del Partito Comunista Italiano. Paris. 1928.

Туринское восстание было самым крупным антивоенным выступлением итальянских рабочих в годы первой мировой войны. Восстание пробудило в итальянских рабочих сознание своей силы и укрепило в них веру в революционные методы борьбы, одновременно продемонстрировав банкротство центристских лидеров. «Несмотря на многочисленные жертвы, на арест многих товарищей и на вставшую перед нами перспективу быть, в свою очередь, арестованными и посланными на фронт,— пишет Монтаньяна,— мы не чувствовали себя обескураженными, мы были удовлетворены и горды тем, что храбро — пусть неудачно! — боролись против войны, против правительства и хозяев»⁹³.

Показательно, что сразу после восстания среди туринских социалистов победило наиболее революционное течение. Туринская секция избрала новое руководство, которое открыто заявило о своей солидарности с августовскими борцами⁹⁴. Секретарём социалистической секции Турина стал двадцатипятилетний А. Грамши. Для самого Грамши и для тех молодых социалистов, которые тогда уже шли за ним, туринское восстание явилось школой революционной борьбы. Став после августовского восстания во главе социалистического движения Турина, они повели движение по революционному пути.

Впоследствии, борясь за создание Коммунистической партии Италии, А. Грамши с беспощадной резкостью разоблачал политическое банкротство социалистической партии, которая не только не выполнила своей роли вождя и учителя масс, но предстала перед массами в роли «жалкого нотариуса, регистрирующего стихийные действия масс» и «о б о з а пролетарской армии»⁹⁵.

Грамши и его единомышленники извлекли необходимые политические уроки из опыта боёв 1917 г., как и из всего предшествующего и последующего опыта итальянского и международного рабочего движения.

Народное движение в Турине дало новый толчок развитию антивоенного движения во всей стране. В середине сентября правительство лишь с помощью осадного положения предотвратило назревавшую на военных заводах Генуи и Александрии всеобщую забастовку протеста. В конце месяца волна продовольственных волнений и антивоенных демонстраций прокатилась по городам и местечкам Южной Италии. Изданная в Милане группой левых социалистов нелегальная прокламация звала рабочих следовать примеру туринцев в их «великолепной борьбе за мир». На фронте, куда после августовских дней были посланы сотни туринских рабочих, солдаты пели куплеты о храбрых туринцах, которые «боролись, чтобы окончить войну, и потому, что не было хлеба»⁹⁶.

Народное движение в Италии против империалистической войны, развернувшееся в 1917 г., было ярким проявлением той революционной ситуации, которая возникла в Италии, как и во всей Европе, в годы первой мировой войны и явилась началом общего кризиса капитализма. Пролетарская революция в Италии зрела как «рабочая революция против войны», наносящая удар по империализму в целом.

Антивоенное движение, переплетавшееся с массовой борьбой рабочих за улучшение условий труда, охватило летом 1917 г. огромное большинство трудящегося населения Италии. В нём участвовали и организованные рабочие больших военных заводов и рабочие полуремесленных ма-

⁹³ М. Montagnana. Указ. соч. Т. 1, стр. 77—78.

⁹⁴ «Avanti», 25 октября 1917 года.

⁹⁵ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов». Общая редакция Пальмиро Тольятти. Изд-во иностранной литературы. М. 1953, стр. 93.

⁹⁶ «Lo stato operaio». 1927. № 6, р. 665.

стерских, участвовали женщины, подростки, крестьяне. В армии революционное брожение усиливалось с каждым днём. Полубунтарские вспышки сочетались в антивоенном движении с организованными политическими выступлениями, разгром лавок — с пролетарским восстанием.

Наибольший размах и наибольшую зрелость форм — политические стачки, демонстрации, восстания — движение приобрело в промышленных центрах Северной Италии. Итальянский пролетариат стал в этом движении более организованным и политически зрелым. Его боевой авангард — туринские рабочие — прошёл за короткие месяцы большой путь: от стихийного движения за прекращение войны в марте к народному восстанию в августе 1917 г., от доверия к оппортунистическим лидерам до разрыва с ними. Правда, пролетарская армия сражалась без командиров. Центристские лидеры итальянской социалистической партии предали пролетариат в борьбе, а левые социалисты не сумели возглавить эту борьбу. Отсутствие руководства приводило к разобщённости выступлений, и правительстве поодиночке разбивало разрозненные пролетарские отряды.

Лишённые руководства, народные массы были обречены на поражение. Но они поднялись на борьбу, они взяли в руки оружие. Творцы истории, они захотели стать её хозяевами. Самое их поражение закладывало фундамент для будущих побед, готовило почву для нового революционного подъёма.

Опыт антивоенной политической борьбы наглядно показывал итальянскому пролетариату, что ему нужна подлинно революционная, марксистская партия, способная повести его на штурм капитализма. Народное движение против империалистической войны, развернувшееся в Италии летом 1917 г., и особенно героические августовские бои туринского пролетариата помогли рабочему классу осознать этот основной урок и выдвинуть из своей среды организаторов славной Коммунистической партии Италии, возглавившей и ведущей ныне к победе народные массы Италии.

«Революции, — писал в годы первой мировой войны В. И. Ленин, — никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, и а ч а л а революции...»⁹⁷. Всякого рода революционные массовые выступления народа представляют собой «зачатки» пролетарской революции, которая, как писал В. И. Ленин, «никогда не станет сразу сильной, а неизбежно пройдет стадии сравнительно слабых зачатков»⁹⁸. Таким «началом», или «зачатком», социальной революции и были антивоенные выступления 1917 г. в Италии. В общем ходе назревания революционного кризиса в Европе летом 1917 г. им принадлежит видное место. Эти выступления явились ярким проявлением революционной ситуации, сложившейся в годы первой мировой войны. Антивоенная борьба итальянских трудящихся, и в особенности героическое туринское восстание, была ярким проявлением борьбы пролетариата за мир и свободу.

Осенью 1917 г., призывая русский пролетариат к борьбе за свержение капитализма, В. И. Ленин указывал на восстание в Турине, наряду с восстанием в германском флоте, антивоенными выступлениями пролетариата Чехии и других стран, как на яркий пример революционной борьбы, укрепляющий уверенность рабочих в победе грядущей социалистической революции.

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 412.

⁹⁸ Там же, стр. 413.